

Я снова в дороге и еду в командировку в родной Абакан. Давно не ездил на поездах. От Красноярска до Абакана всего четыреста тридцать километров по автомобильной трассе «Енисей». На легковом автомобиле такое расстояние преодолевается часов за пять, не более.

Но пришлось последовать совету коллег и купить билет на поезд, потому что обстановка на дорогах оставляла желать лучшего. Сплошной гололёд на перевалах, плюс прогноз штормового и шквалистого ветра. Я не стал испытывать судьбу, так как эта ситуация была хорошо знакома и могла обернуться большими проблемами. К тому же я стал стареть, и появилась боязнь дорожных приключений.

Ровно в назначенное время я подъехал к железнодорожному вокзалу, в котором в преддверии Универсиады полным ходом шёл ремонт. Точно по расписанию подали состав, и толпа пассажиров заполнила свои места согласно купленным билетам.

В моём купе уже находились трое мужчин. Один — лет сорока пяти лысеющий очкарик, по совместительству дорожник-путеец, возвращавшийся домой после повышения квалификации; второй — на вид тридцатилетний инженер среднего звена или программист, с билетом на нижнюю полку; третий — молчаливый здоровяк, уткнувшись в смартфон, лежал, отвернувшись, на верхней полке.

В смартфоны периодически окунались все четверо. Я просматривал последние новости; что искали другие попутчики — останется тайной за семью печатями.

Незаметно поезд тронулся и постепенно стал набирать скорость. Мимо мелькали очертания домов и знаковых объектов города. Все попутчики не отрывались от гаджетов. Придумали же такое название незаменимому средству коммуникации. Кто только не шутил по этому поводу: «Гад же ты»... Действительно, гад-же-ты.

Время в пути незаметно подошло к часовой отметке. Голос инженера среднего звена нарушил молчаливое состояние нашего купе:

— Мужики, давайте познакомимся? Я Игорь.

— Сергей, — подхватил путеец.

— Максим, — продолжил я.

Четвёртый попутчик отлучился по своим неотложным делам, поэтому знакомство с ним ещё предстояло...

— Да, настали времена, — решил зацепиться я за разговор. — Помню, лет десять-пятнадцать назад через пять минут после отправления поезда в купе на столике уже стояла бы бутылочка крепкого напитка, кто-то достал бы из сумки зажаренную с румяной корочкой курочку, отварную картошечку, сваренные вкрутую яйца, солёные огурчики и другие вкусности. А сейчас все сидят каждый сам по себе, погружены в виртуальную реальность, будь она трижды неладна...

— Согласен, сейчас в лучшем случае пресловутые «Доширак» или «Роллтон», и даже без пива, — ответил или продолжил Игорь-инженер. — Минут через тридцать и я заварю себе упаковочку.

— Сейчас с этим строго, полиция ходит, проверяет. «Если чо», высадить могут на ближайшей станции, — продолжил путеец.

— Мужики, мы в те незапамятные советские времена просто так не сидели, и наша двенадцати-часовая поездка показалась бы одним коротким мигом...

... Вот я, помню, в двухтысячном году ехал из Абакана в Москву на поезде, в штабном вагоне, вдвоём с отставным офицером-пограничником. Много общих тем для разговоров нашлось у бывших военных, особенно под водочку. Между делом в пространных беседах я выдал несколько фраз с интонацией бывших руководителей нашей страны. Володя, так звали моего попутчика, оценил мои способности, сразу же смекнул и предложил на следующее утро поздравить всех мужчин, находящихся в поезде, с Днём Советской армии и Военно-морского флота. Действительно, я познакомился с Владимиром накануне мужского праздника. Осталось совсем немного — набросать текст поздравления, договориться с начальником поезда и поздравить мужчин нашего состава.

Мы пригласили в своё купе начальника поезда — поговорить за жизнь. Он согласился, и в процессе разговора договорились утром следующего дня осуществить задуманное...

Утром, на трезвую голову, я набросал текст поздравления. В присутствии начальника поезда

озвучил то, что собирался произнести в «прямом эфире», и получив одобрение.

Подъезжая к Новосибирску, мы с Владимиром зашли в купе, где располагался радиотранслятор с микрофоном. Я жутко волновался и хотел было отказаться от этой безумной затеи, но пограничник, видя моё трепетное и сомневающееся состояние, остановил мой порыв:

— Всё, Максим, давай не напрягайся, сейчас всё будет хоккеем!

— Ага, хорошо тебе. А вдруг не получится?

— Не бойсь, командир, вся ответственность на мне...

Мы приготовились, начальник поезда включил аппаратуру. Дрожащими руками я взял микрофон и приступил к поздравлению, протягивая каждое слово и фразу:

«Дорогие россияне!!! Я, понимаеш, первый президент свободной России, после своей отставки, как простой гражданин, еду со своей женой Наиной Иосифовной вместе с вами в одном, понимаеш, поезде по матушке России. Ну... В этот знаменательный день, двадцать третьего февраля, хочу поздравить солдат и сержантов, матросов и старшин, прапорщиков и мичманов, офицеров и генералов, адмиралов и маршалов, а также всех тех, кто когда-либо служил на благо нашей Родины, с Днём Советской армии и Военно-морского флота! От всей души, понимаеш, хочу пожелать вам крепкого здоровья, семейного счастья и успехов в боевой и политической подготовке!»

В проходе вагона уже начала скапливаться толпа любопытных. Я закончил, микрофон отключили, и я с облегчением выдохнул...

Все стоящие в коридоре пассажиры, а их было человек десять, дружно зааплодировали, это придало мне немного уверенности, и я продолжил поздравления. В череду поздравляющих оказались М. С. Горбачёв и В. В. Жириновский. Народ скапливался в проходе вагона, не мог оторваться от импровизированного «концерта» и образовал пробку. Кое-кто из мужиков стал приглашать к себе в купе для продолжения «концерта»...

Мы с Владимиром с трудом отбивались от назойливых «поклонников», выручила большая остановка в Новосибирске. Пассажиры высыпали на перрон. Володя вдыхал сигаретный дым в свои лёгкие, а я прохаживался вдоль вагона и разминал застывшие от долгого сидения ноги. Незаметно рядом с нами собралась приличная толпа зевак. Среди людского гомона я услышал несколько вопросительных фраз:

— А где Грушевский?

— Разве он не в соседнем вагоне?

— Это же он от имени наших руководителей поздравлял наш состав?

— Нет, это Евдокимов Михаил, — возражал другой голос.

Я стоял спиной к любопытствующим попутчикам и делал вид, что не замечаю разговоров и расспросов о своей персоне. И тут не выдержал сосед по купе:

— Вот этот молодой человек, — указывая на меня, — поздравлял вас...

Мне было жутко неудобно от столь пристального внимания попутчиков, но, признаюсь, всё же приятного в этом было больше. Главное, что поздравление вызвало положительные эмоции, на это и был наш расчёт.

— Слышь, брат, как тебя звать? — фамильярно поинтересовался представитель одной из кавказских республик.

— Максим, — ответил я.

— А меня Вахтанг. Макс, пойдём к нам в шестой вагон, у нас весело, ты добавишь огоньку, не пожалеешь...

— Да неудобно как-то, и ни к чему все эти поделки. Мы с соседом отдохнуть собирались, вчера допоздна засиделись, башка трещит...

— Максим, прошу тебя по-братски, давай чуть посидим. У нас чача есть, хорошая закуска: балычок красной рыбы, икорка, шпроты...

«Обычно люди везли в Сибирь такие деликатесы, а тут наоборот», — что-то напрягло меня в этом приглашении.

А вот моего соседа ничего не смутило; напротив, услышав о предложенном «меню», Володя жестами, корча гримасы за спиной Вахтанга, стал показывать мне, чтобы я согласился и принял его приглашение. — Нет, ребята. Мы устали, как-нибудь в следующий раз...

Разочарованию погранца не было предела. Возвратившись в купе после стоянки, мы сидели молча около часа, пока я не пригласил его в вагон-ресторан...

— Ну и что было дальше? — озадачился вопросом путеец Сергей.

— А дальше мы поучаствовали в поимке уголовного рецидивиста. Да, да, не удивляйтесь...

...Когда стемнело, после нашего возвращения из вагона-ресторана, в наше купе с бешеными глазами заскочил начальник поезда и попросил нейтрализовать дебошира в соседнем вагоне. Уже в тамбуре мы услышали душераздирающий женский крик, а затем увидели, как над головой молодой девушки была занесена рука с ножом.

— Стой, стрелять буду! — громким басом предупредил хулигана Владимир.

От неожиданного окрика уголовник отстранился от жертвы. Молниеносным ударом Володя срубил подонка, и тот как подкошенный упал, уткнувшись лицом в пол. Начальник поезда передал нам наручники, которые я замкнул на запястьях бандита, заложив его руки за спину.

Каково же было наше удивление, когда мы развернули дебошира и увидели его лицо. Им оказался Вахтанг... Да, тот самый Вахтанг, который пригласил нас к себе в купе, чтобы добавить огоньку...

— Вот ведь какие суки бывают, — недоумевал Игорь. — Эти кавказцы уже тогда голову стали поднимать. Они считали и считают себя хозяевами жизни, что им все чем-то обязаны.

— Ну, во-первых, не все кавказцы такие. Во-вторых, у каждой нации есть свои подонки, — возразил я. — Зачем всех грести под одну гребёнку?

Я вообще интернационалист по жизни. Точнее, воин-интернационалист и вполне лояльно относиться ко всем национальностям, потому что, когда я служил в армии, у меня в подразделении было более сорока представителей разных народов нашей большой страны. Я старался ко всем бойцам относиться одинаково.

На лица моих попутчиков опустилась печать озабоченности. Они с пониманием оценили мои слова.

Как-то уж совсем неожиданно Игорь достал из своей сумки бутылку водки. Все сидящие пассажиры нашего купе посмотрели друг на друга и одобрительно закивали головами...

— Мужики, под мою ответственность, давайте по пять капель и только тихо, — не увидев возражений, Игорь начал разливать по стаканам взятую на всякий случай бутылку водки. А я нарезал колбаски и сыра.

Мы выпили грамм по тридцать.

— Максим, это тогда, в твоё время так было, сейчас всё по-другому, ты же сам всё знаешь, — продолжил беседу путеец Сергей.

— Да, сейчас всё по-другому. Главное — отношения между людьми другими стали.

— Ну не знаю, может, и другие, но не настолько, — высказал сомнения путеец.

— Другие, Сергей. Изменилось время, люди... Народ жёстче стал. Каждый сам за себя. Мы живём в своём обособленном мирке. Мы перестали здороваться с соседями по лестничной клетке и ходить друг к другу за солью и спичками. Я редко езжу в общественном транспорте, но, когда захожу в автобус, иногда вижу неприглядную картину: сидят молодые люди, уткнувшись в телефоны, и делают вид, что не видят зашедших старушку или женщину с маленьким ребёнком. Я не могу принять, что совсем молоденькие девушки курят. Мне непонятно решение чиновников, которые разрешили писать слова так, как они слышатся и произносятся, ставить ударения где кому захочется. Я уже только по ударениям в словах определяю, наш это человек или не наш. Таким образом, чиновничий произвол ниже плинтуса опускает общий уровень культуры среднестатистического гражданина. Я считаю, низкий уровень образованности — корень всех наших бед. Необразованным

человеком легче управлять. Не образованный в разных областях специалист страшнее и опаснее атомной бомбы. В стране мало хороших врачей и учителей, инженеров и рабочих. Больше всего юристов, экономистов, часть из которых впоследствии уходит в продавцы на рынок или в охранники. Охранники — это вообще особая «каста»... Сидят здоровенные молодые мужики вместо бабушек-вахтёров, штаны протирают. Им бы кайло в руки или пилу «Дружба-2» — да на лесосеку в солнечную Сибирь, к нам поближе...

— Может, по второй? — предложил Игорь.

— Давай наливай. Только тихо, чтобы не привлекать внимание. А то мне на работу могут сообщить, я ж в этой системе работаю, — шёпотом поддержал Сергей-путеец.

— А ещё загадочное слово — ипотека, — продолжил инженер среднего звена. — Вот я взял ипотеку. Родители помогли с первым взносом. Сейчас каждый месяц двадцать одну тысячу двести пятьдесят семь рублей — вынь да положь... На прожитые остаётся половина зарплаты. Ничего лишнего не могу позволить...

— Ну что вы раскудахтались? Всё нормально у нас, — наконец-то вступил в разговор четвёртый наш попутчик, лежавший до этого на верхней полке. — Есть там ещё огненная водичка?

— Найдётся для хорошего человека.

Мы выпили по третьей. Через пару минут слабость растеклась по организму.

— Я работаю на севере края, золотишко добываю в крупной компании. Если нормально пашешь, можно за пару-тройку лет на квартиру заработать. Да, забыл представиться: меня Анатолий звать.

— Толик, а семья, как с ней? Ты же бросаешь её на два-три месяца? — повысил тональность инженер среднего звена.

— Не Толик, а Анатолий Николаевич, прошу запомнить, господи...

— Хорош выёживаться, Толик, — не унимался инженер.

— Всё, Игорю не наливаем, — не можем мы великосветские беседы вести, однако.

— А в чём, собственно, дело? Кто-то что-то имеет сказать или как? — заплетающимся языком проговорил Игорёк, едва удержав очки на переносице. — Не можешь пить — не мучай... — спустился со второй полки и встал во весь свой богатырский рост Анатолий Николаевич. — С семьёй всё в порядке. Её пока нет и не предвидится на горизонте. С такими жёнами, как сейчас, я лучше сам себе режиссёр.

— А как насчёт здорового секса? — не унимался инженер среднего звена. — Как насчёт баб?

— Не баб, а женщин, интеллигент ты наш задрипанный, — осадил Игоря Анатолий Николаевич. — Зачем жениться? «Оне» и так дают кому надо, в отличие от некоторых, как я погляжу...

— Мы ещё и водку пить разучились, — резюмировал я. — Бутылку до конца не допили, а уже каламбурить начали. В этом тоже своего рода деградация. «Короче, Склихасовский», или готовимся ко сну, или я вам рассказываю ещё одну историю, а если хорошо будете себя вести, то не одну.

— Максим, ты, как я погляжу, кладёшь полезной информации, — вступил в диалог со мной Анатолий Николаевич.

— Так я ж ещё до войны родился, Брежнева живьём видел (по телевизору), Андропова и Черненко «хоронил», Горбачёва из Фороса на самолёте вывозил, Ельцину с танка помогал спускаться...

Дружный смех наполнил наше купе... Игорь принёс две упаковки заваренного «Доширака». Анатолий разлил по стаканам остатки водки и произнёс незамысловатый тост:

— Ну, за Российские железные дороги, которые соединяют абсолютно разных людей!

— Согласен, Анатолий, мы сегодня познакомились, а завтра выйдем из вагона — и всё забудется, как будто и не знали мы друг друга, — с грустным видом констатировал Сергей.

Я прервал возникшую было небольшую паузу: — Тридцать с лишним лет назад я служил в армии. Старшим лейтенантом я возвращался из отпуска к своему месту службы в Комарно, это в Чехословакии.

— В каком году это было? — спросил Анатолий.

— В феврале тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, это был мой последний отпуск в Чехословакии после трёх лет службы холостяком...

...Поезд Москва—Прага. На Киевском вокзале в одном купе со мной ехали молодой лейтенант, отслуживший год в артиллерийском полку нашей дивизии, полковник-тыловик лет сорока пяти из штаба корпуса, который, судя по всему, неоднократно ездил в командировки в Союз, и жена командира полка, которого недавно назначили на эту должность. Она впервые в жизни ехала за границу.

Не буду рассказывать все подробности нашей поездки. Остановлюсь лишь на её кульминации.

За несколько часов до пересечения границы женщина обратилась к нам, к опытным людям: — Мужчины, у меня очень деликатная просьба. Дело в том, что на границе к провозу допускается тридцать рублей для обмена на местную валюту, а у меня сто пятьдесят рублей. Сижу и не знаю: что мне делать? Не дай Бог, таможенники или пограничники обнаружат излишки рублей. Ни мне, ни тем более моему мужу несдобровать: двадцать четыре часа — и снова в Забайкалье.

— А где вы в Забайкалье служили? — участливым голосом спросил полковник.

— В городе Борзя, в «Голубой дивизии», — ответила жена командира полка.

— А я служил зам. по тылу этой дивизии в тысяча девятьсот семьдесят девятом году, — встрепенулся полковник.

— Почему «Голубая дивизия»? — поинтересовался лейтенант.

— Потому что когда её разместили в палатках в чистом поле, всё лето стояла солнечная погода, небо над палаточным городком было голубым и прозрачным, без единого облака над головой, — ответил полковник, — поэтому в народе так и осталось это название — «Голубая дивизия».

— Надо же, а я в тысяча девятьсот восемьдесят втором году, в феврале месяце, на третьем курсе проходил стажировку в Борзе, — удивился таким совпадениям я.

— Вот давайте за эти совпадения и выпьем, — предложил тыловик.

Мы дружно соорудили на стол нехитрую закуску, полковник вытащил из кожаного чемодана бутылку коньяку и разлил огненную жидкость по стаканам из-под чая.

— Мужчины, так всё же подскажите: что мне делать со своими деньгами? — встревоженно настаивала женщина.

— Валентина Семёновна, не переживайте, — полковник наклонился к жене комполка и почти полусшёпотом произнёс: — Отложите тридцать рублей отдельно, а остальные деньги спрячьте в наволочку подушки и зашейте её.

— Так просто — спрятать и зашить?

— Да, зашейте и сидите спокойно, не показывайте вида, что у вас есть что-то лишнее или запрещённое, — уверенным голосом продолжил полковник. — Таможенники насквозь видят контрабандистов.

— Товарищ полковник, ну что уж вы так запугиваете бедную женщину? — решил успокоить жену командира полка я. — Смотрите, на ней же лица нет. — Сделайте так, как я сказал, и всё будет хорошо, — завершил полковник-тыловик свои наставления.

Между тем поезд приближался к границе Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики. Напряжение возрастало...

А вот и приграничная станция Чоп. Этот город располагался на стыке трёх государств. К двум вышеназванным прибавлялась Венгерская Народная Республика. Здесь была одна особенность, которая заключалась в том, что во всех поездах, следовавших из Союза на Запад и обратно, необходимо было менять колёсные пары в вагонах — на Западе железнодорожная колея уже нашей. Эта процедура занимала около полутора-двух часов. За время замены колёс пограничники производили паспортный контроль, таможня — таможенный досмотр. Для быстроты обслуживания пассажиров в каждом вагоне работала отдельная бригада контролёров и таможенников.

Сначала в наше купе зашёл стройный и подтянутый сержант-пограничник с фонариком и полевой сумкой:

— Товарищи пассажиры, прошу приготовить свои документы.

Как по команде мы достали свои синие служебные паспорта и по очереди предъявили их сержанту. Пограничник пристальным взглядом по очереди сверил физиономии каждого из присутствующих с фотографиями в документах. На мне остановился отдельно.

— Что, не похож? — задал естественный вопрос я.

Пауза в исполнении сержанта была поистине мхатовской. Он несколько раз обратил свой взор на меня и на фото в паспорте, закрыл его и вернул владельцу.

— У вас на фото в паспорте нет усов, в отличие от нынешнего состояния вашего лица, — ответил пограничник.

— Оружие, боеприпасы, наркотические и другие запрещённые к провозу вещества имеются?

— Нет, — почти хором ответили я и мои попутчики.

— Счастливого пути, — приветствовал нас пограничник...

— Максим, а сколько раз ты пересекал границу? — спросил Сергей.

— Всего, с учётом командировок за три года, раз десять.

— Неслабо...

— Каждый раз, когда я сталкивался с этой процедурой, всегда ловил себя на мысли, что государство специально ставило человека в унижительное положение. Получалось, что я и мои попутчики всегда кому-то что-то должны и всегда вставали в позу оправдывающегося человека.

...В купе зашёл таможенник. Он был крупного телосложения — рыхлый, тучный, с большим животом и испариной на лбу.

— Товарищи пассажиры, приготовьте таможенные декларации и свои личные вещи.

Мы зашелестели своими бумажками, и таможенник приступил к досмотру.

— Максим Леонидович, покажите и откройте свой чемодан. Сколько бутылок водки везёте? — поинтересовался таможенник, как будто на моём лице было написано, что я известный бутлегер.

— Две, — спокойно произнёс я.

Толстяк ловкими, заученными движениями рук начал шарить по моему нехитрому скарбу. Ничего запрещённого в нём не было. Только две бутылки «Столичной», купленные в продовольственном магазине рядом с Киевским вокзалом, блок сигарет для друзей, пара буханок чёрного бородинского хлеба, потому что такого в Чехословакии не пекли, две банки красной и чёрной

икры (потому что деликатес) и банка сельди иваси, потому что заказывали друзья. Всё остальное — личные вещи.

После моего досмотра таможенник попросил лейтенанта достать свои личные вещи. У него было два чемодана. Один — коричневый, кожаный, с ремнями, в котором находились одежда и всякая мелочь. Второй чемодан — дипломат.

— Водка есть? — спросил таможенник.

— Да, есть.

— Сколько бутылок?

— Одна, — спокойным тоном ответил Женя.

— Всего одна? — удивился толстяк.

— Да, одна...

— Откройте вот этот чёрный чемодан, Евгений Петрович, — указал на чемодан.

Артиллерист с трудом поднял чемодан и поставил его на нижнее сиденье.

— Ну, открывайте, открывайте чемодан, — потопрапливал таможенник.

Лейтенант нехотя вставил в замочную скважину и повернул маленький чемоданный ключ. Большими пальцами рук он надавил на запирающие замки, и крышка чемодана-дипломата медленно поднялась над содержимым.

Нашему взору открылось удивительное зрелище: весь объём чемодана заполняла большая, специально сделанная под него бутылка с прозрачной жидкостью. На одном из углов бутылки была горловина, запечатанная пробкой и залитая сургучом...

Да, такую бутылку я и все присутствующие в купе попутчики видели в первый раз и оттого были в шоке.

— Что это такое, Евгений Петрович, и как это понимать? — с вытаращенными глазами произнёс таможенник.

— А вот так и понимайте. У меня много друзей в дивизионе, все с нетерпением ждут моего возвращения из первого лейтенантского отпуска. А папа работает стеклодувом в Гусь-Хрустальном на стеклозаводе. Вот он и предложил: «Давай, сынок, я тебе отолью бутылку такую, какую тебе надо. Будет у тебя всего одна бутылка».

— И сколько в ней жидкости? — поинтересовался толстяк.

— Около десяти литров, — парировал лейтенант.

— За почти двадцать лет моей службы в таможене первый раз вижу такое зрелище. Ну что с тобой делать, лейтенант? По-хорошему, надо конфисковать это дело...

Не скрывая смеха, все попутчики держались за животы, кроме жены командира полка.

— Ну хорошо, вези бутылку своим друзьям. За находчивость — пять баллов. Дай я сфотографирую это безобразие, а то коллеги не поверят, — восхищённо изобретательностью лейтенанта и его отца таможенник и сам украдкой улыбнулся.

— Валентина Семёновна, приготовьте ваши документы и вещи для досмотра, пожалуйста, — обратился таможенник к нашей попутчице.

Женщина дрожащими руками стала доставать чемоданы, показала декларацию и тридцать рублей. — Золото, брильянты — всё задекларировали? — Да, всё, что есть на мне из украшений, ничего лишнего.

Вдруг со своего места поднялся полковник, взял под руку таможенника и вывел его в коридор. Мы едва слышали, о чём разговаривали полковник с представителем власти, но после их диалога таможенник зашёл в купе и напрямую спросил жену командира:

— Валентина Семёновна, это ваша подушка?

— Да, моя, — она едва шевелила губами.

Таможенник покрутил подушку и увидел, что она зашита.

— Почему подушка зашита, да ещё чёрными нитками?

Никто не ожидал такого поворота событий. Все присутствующие в купе пассажиры находились в протрации. Не зная, что ответить, женщина зарыдала.

— Валентина Семёновна, снимите наволочку и покажите её содержимое, — настаивал таможенник.

Женщина порвала нитки, достала аккуратно сложенные купюры и отдала толстяку. Он пересчитал деньги и положил в карман своего кителя. — Не стоит плакать, Валентина Семёновна, давайте оформлять протокол, документы отправим вышестоящему командованию вашего мужа, а там как уж оно решит, так и будет, — таможенник делал своё дело...

Женщина не унималась, её охватила истерика. Она представила, какой позор ждёт её мужа, заслуженного офицера, командира полка. Не успел приехать служить за границу — и тут такое несчастье...

Мы и не заметили, как тыловик вновь вышел с толстяком в коридор вагона и что-то стал нащёптывать таможеннику в ухо. Через минуту оба возвратились в купе, и таможенник своим штампом проставил в декларации отметки о прохождении таможи и удалился в другие купе...

— Вот же сука этот полковник! — бурно отреагировал на рассказ инженер среднего звена Игорь. — И что было дальше?

— А дальше поезд тронулся через границу...

...В ночной темноте мы увидели прожекторы и вышки, несколько рядов ограждений из колючей проволоки и бетонные окопы, из которых выглядывали головы погранцов в зелёных фуражках. Наконец в лучах прожекторов промелькнула контрольно-следовая полоса границы. Через мгновение — чужая страна...

Поезд мчал нас к конечному пункту с бешеной скоростью, так что, находясь на второй полке, я едва удерживался на ней. Вечером никто не произнёс ни слова. Все со своими мыслями легли спать.

Утро также не предвещало хорошей развязки. Мы привели свой внешний вид в порядок, позавтракали. В купе стояла гнетущая тишина, готовая взорваться от любой брошенной фразы. Видно было, что Валентина Семёновна не спала всю ночь. Мы с лейтенантом вышли в коридор вагона и любовались красотами Чехословакии, пролетающими за окном. И только полковник излучал непонятно с чем связанные радость и оптимизм.

Ближе к обеду тыловик пригласил нас в купе: — Товарищи офицеры, Валентина Семёновна, я должен перед вами всеми извиниться за вчерашнее...

— Товарищ полковник, какие ещё могут быть извинения? — переходя на крик, вновь заплакала женщина. — Вы же офицер! Как вы могли? Я вам доверилась, а вы?

— Ничего страшного, — полковник достал из кителя и развернул бумажник. — Видите, сколько здесь денег? Почти три тысячи рублей и другая иностранная валюта. Возьмите свои сто двадцать рублей и тридцать за причинённый моральный ущерб. — Какой ущерб? Вы о чём, полковник? — не унималась Валентина Семёновна.

— Дело в том, что я часто езжу по служебным делам в Союз и обратно. У меня уже второй за четыре года службы в ЦГВ заграничный паспорт, потому что некуда ставить штампы о прохождении границы. Меня почти все погранцы и таможня в лицо знают. Каждый раз приходится выкручиваться и придумывать, как провести незадекларированные деньги и другие ценные вещи. Ваши сто двадцать рублей по сравнению с моими тремя тысячами — крохи. Чтобы не привлекать к себе внимания, я сосредоточил его на вас, Валентина Семёновна. Возьмите деньги и сидите спокойно, никто никаких протоколов командованию вашего мужа посылать не будет. Таможенник забрал ваши деньги себе, а я вам, Валентина Семёновна, как вы теперь поняли, компенсирую потерю. Давайте лучше выпьем вчерашнего коньяку и расслабимся.

— А может, вскроем бутылку лейтенанта? — предложил я.

Все присутствующие с пониманием посмотрели на меня. По такому случаю можно было дать волю и расслабиться по полной программе...

— Вот это неожиданная развязка! — восхитился Анатолий Николаевич. — И что эта командирша, как она отреагировала?

— Как-как? Никак. Она налила почти полный стакан спиртного и залпом выпила содержимое... — Вот бабы, чуть отлегло — и сразу в разгул, — недоумевал инженер среднего звена Игорь.

— Ну зачем же? Просто надо было снять стресс, а русские люди привыкли снимать стресс проверенным средством. Как известно, хороший коньяк примирят с неидеальным миром, не так ли, господа?

— Ну что, мужики, пожалуй, на сегодня хватит...
Пять часов десять минут показывали стрелки циферблата. Поезд подъезжал к станции Крупская, скоро Минусинск и мой родной Абакан...